

— А как тут не согласишься, если это и слепому видно.

— В собственном народе всё дело. В униженном и оскорблённом, так сказать. У нас же кто к власти ни придёт — сразу руководитель мирового масштаба. Все боролись за мир во всём мире, а за мир в своём доме — до этого руки не доходили. На своего человека можно было и наплевать.

— Что-то ты, Савелий Яковлевич, перекинулся уже и на бывшую власть? А при ней ты жил в своём доме, а не на болоте.

— А ты, Володя, зри в корень. Ищи причину этого раздрая. Народ-то ждал перемен. Перемен к лучшему! Поверил этим проходимцам, которые обещали свободу и демократию. Демократия... Поплачет Россия от этой демократии... — Он резко встал и, не простившись, зашагал в сторону болот. Он ещё продолжал что-то говорить, выкрикивать и махать кулаком. Но туман, надвигающийся с болот, глушил его слова и наконец поглотил всю фигуру.

Наступило тягостное молчание.

Вдалеке над рекой прорыдали улетающие с родины гуси. От озёр доносились редкие всплески — это ондатры вышли кормиться и строить хатки. Луна с дрожащими звёздами властвовала над селениями, озёрами, сопками и тайгой. Холодная ночь.

2009

Собачья память

*Потомку рода графов Урманчевых
посвящается*

Александр Михайлович с трудом открыл дверь на улицу. Упругой волной ударили ветер и снег. За ночь на крыльцо намело целый сугроб. О тропе и думать нечего, идти придётся наугад, увязая в снегу по колено.

Хотя «наугад» — это не совсем так. Михалыч уже третий десяток лет ходит этой тропой — до школы и обратно. Третий десяток он директорствует в местной школе. И путь, пролегающий по закрайкам огородов, может пройти в любую погоду, в любой час с закрытыми глазами, не ошибётся. Да и расстояние — не более пятисот метров.

Ветер мечется из стороны в сторону, вверх и вниз. Трудно определить, какую часть лица прятать от зарядов больно бьющего, колючего снега. Пригнувшись и укрывая рукой то одну, то другую щёку, он отправился в темноту.

Всегда в затруднительные моменты Михалычу на память приходят либо военные, либо революционные песни. Воспитание такое, что ли? Или действительно они поднимают дух и настроение? Вот и сейчас вдруг вспомнилась одна из таких, некогда часто звучавших по радио песен.

«Вихри враждебные веют над нами»... Почему «веют»? Воют — это будет вернее, и не «над нами», а вокруг нас. Ладно, пусть будет «над нами» — это показывает, что человек против стихии — мелкота. Так оно и есть. Как там

дальше? «Тёмные силы нас злобно гнетут». Силы на самом деле нас гнетут. Не погода, а буйство, шабаш нечисти. Тогда и в песне пусть будет: «Нечистая сила нас злобно гнетёт». Далее: «В бой роковой мы вступили с врагами» — тут и менять нечего. Воистину, бой роковой с ветром, снегом и теменью. Продолжим: «Нас ещё судьбы безвестные ждут». Почему «безвестные»? Известно, что нас ждёт, — работа. Поэтому сделаем так: «Край непочатый работы нас ждёт». Итак, мы имеем:

Вихри враждебные воют над нами,
Нечистая сила нас злобно гнетёт,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Край непочатый работы нас ждёт.

Вроде бы что-то получилось.

На этом «творчество» закончилось. Мутным пятном обозначился фонарь, что висел на стене кочегарки, — школа рядом.

Подойдя ближе, Михалыч в свете фонаря, еле пробивавшего тьму и метель, заметил, как на него катится белый шар. «Не ко времени вспомнил нечистую силу», — мелькнуло в голове учителя-физика, коммуниста-атеиста. По спине пробежали мурашки. «Шар» упруго стукнулся в колени, чуть не сбив с ног. Потом ударил в живот и... приветливо заскулил. Фу ты, леший! Это же собака! Но откуда она здесь взялась? Тузик? Так тот на цепи во дворе. Даже поприветствовать хозяина из будки в такую погоду вылезать не хотел. Да и ростом, и массой Тузик поболее будет. Это не он.

Собака, скуля и повизгивая, прыгала вокруг и пыталась лизнуть в лицо.

Не изменяя привычке начинать день с осмотра хозяйства, Михалыч зашёл в кочегарку. В дверь проскочила и собака. Это была белая с небольшими чёрными пятнами лайка. Расспросив дежурного кочегара, как прошла ночь, поговорив о том, о сём, Михалыч пошёл в школу. Он осмотрел все три этажа, заглянул в открытые классы, потрогал горячие батареи. Хорошо держит температуру кочегар! Потом прошёл в кабинет, разделся, сел в кресло. И только сейчас заметил, что всё делал механически, не соображая, а мысли в это время были о собаке... Где он её встречал? Почему она так радостно кинулась к нему? Ошиблась, обозналась? Не может быть. Где-то он её уже видел...

Внизу хлопнула входная дверь — начали приходить учителя. По шагам на лестнице, по походке Михалыч узнавал, кто идёт.

Вот редкие, шаркающие шаги старой и грузной географички. Она почти всегда — если не болеет — приходит следом за директором. А это стремительно, чётко печатая шаг металлическими набойками модных сапожек, взлетает на этаж местная красавица, засидевшаяся в девках певичка. И, конечно же, следом за ней — отстал возле входа — физрук. Об их романе не знает, наверное, только его жена. Потом послышался шум и топот множества ног — идут ученики. Но и среди этого гама Михалыч расслышал неуверенные шаги к учительской молодой исторички Ирины Игоревны. Стоп!

Михалыча словно током ударило. Кажется, именно эти шаги он и хотел сейчас услышать.

Ирина Игоревна... Пятый год после окончания университета она преподаёт в школе, а всё какая-то несмелая, робкая — даже по походке это заметно. Чего греха таить, в первое время директору иногда приходилось ходить будить молодого педагога (но только в первое время работы её в школе). Уставала она шибко. Сразу обрушилась большая нагрузка учебных часов, наставников не было, да ещё, чтобы помочь многодетным родителям, взяла жить к себе младшую сестрёнку. Во дворе Ирины Игоревны впервые и увидел Михалыч эту собачку. Чудом уцелели его брюки — цепь в каких-то пяти сантиметрах удержала разъярённую бестию. Потом пришлось с ней считаться и при необходимости вызывать хозяйку из дома стуком в окошко.

В последний раз встреча была печальна.

Этим летом Михалыч шёл в магазин. Возле шоссе, что проходит через село, деля его надвое, увидел двух девчушек. Они горько плакали, склонившись над неподвижным телом лежащей собаки. Подошёл ближе.

— Что случилось?

— Машина сбила Стрелку. Она умирает, — сквозь слёзы, перебивая друг друга, объяснили девочки. В одной из них Михалыч признал сестру Ирины Игоревны.

— Это ваша собака?

— Да.

Из собачьего носа текла кровь.

Михалыч бережно взял собаку на руки и понёс к дому учительницы. Следом шли неутешные в горе девчушки.

Во дворе, когда положил Стрелку на разостланное одеяло, заметил, как дёрнулись веки на аккуратной мордашке лайки.

— Будет жить ваша собачка.

Выжила. И сегодня встретила и проводила до школы. Неужели помнит? Чудны твои дела, Господи.

Несмотря на непогоду, весь трудовой день директора школы прошёл в приподнятом настроении.